

Око Ужаса постоянно окружено яростными варп-штормами, которые делают навигацию практически невозможной. Врата Кадии — самое известное исключение из этого правила: в этом месте штормы редки, и суда могут путешествовать в Око и обратно с относительной безопасностью (если такое слово вообще может быть применимо к путешествию в это сумрачное царство).

Однако существуют и другие точки перехода. Знание об этих вратах и контроль над ними представляют огромную ценность, так как с их помощью легионы-предатели могут беспрепятственно наносить удары по Империи. Один такой проход расположен в системе Пердиктор. Бывшая когда-то частью Империи, система пала жертвой демагогов, которые склонили ее население к служению богам Хаоса. Этому служению они предали с таким рвением, что ближайший к системе варп-шторм, перекрывавший путь в аномалию, стал нестабильным, резко расширился, охватил весь Пердиктор и втянул систему в Око Ужаса. Когда шторм отступил, от нее мало что осталось, кроме развалин, населенных безумными мутантами. Однако время от времени падшие обитатели Пердиктора чувствуют потребность вновь пережить историю своей гибели, и тогда они собираются в руинах своей бывшей столицы и со стенаниями возносят святотатственные молитвы Оку Ужаса, которое зияет в небе над их головами. В ответ на эти призывы варп-шторм опять пронесется по системе, и боги вновь ступают на поверхность Пердиктора; так продолжается, пока шторм не отступит и планета не вернется в пространство реальности.

Сейчас Пердиктор служит своего рода паромом для переправы сквозь варп-шторма. Корабли встают на якорь у планеты, когда она находится в варпе, и отправляются дальше, когда шторм утихает. Легионы Хаоса тысячелетиями поддерживают здесь непрочные базы, стараясь установить контроль над системой и управлять мутантами-фанатиками, чья нечистая вера служит ключом к этим вратам.

Таким образом, когда кузнец войны Хонсу и его гранд-роты направлялись обратно на Медренгард после кампании на Гидре Кордатус, цитадель Железных Воинов на Пердикторе получила сообщение, предписывавшее подготовить ритуал вызывания шторма. Железные Воины часто пользовались данными вратами, стражем которых был принц демонов Хаэрон: выполнять эту священную обязанность ему поручил сам Пертурабо. Лорд Хаэрон, как и положено, приказал для проведения ритуала созвать общины мутантов в разрушенный город Джатаал.

Однако подходы к городу оказались перекрыты войсками из Черного Легиона под командованием Некиссара Ван Даала, что привело лорда Хаэрона в ярость. Некиссар утверждал, что преследователи буквально висят на хвосте у флота Хонсу, и это поставит тайну врат под угрозу. Ни принц Хаоса, ни капитан космодесантников-предателей не отличались терпением дипломатов, и всего через несколько часов тяжеловооруженные ударные группы Железных Воинов начали передвижение по руинам города и в его окрестностях, намереваясь прорвать блокаду Черного Легиона.

Изжелта-зеленая молния рассекала небо, заливая изумрудным сиянием развалины шпилей и осыпающиеся стены Пердиктора. Призрачные отблески молний выхватывали из тьмы силуэт принца демонов Хаэрона из легиона Железных Воинов: он стоял под проливным дождем, и потоки воды струились по его вычурному доспеху. Вода с горечью соли заполняла воронки и пенными реками бежала по колеям, оставленным его бронемашинами. Город, раскинувшийся

под угрюмыми облаками, искрил разрядами психической энергии. Хаэрон рассматривал брешь, которую его артиллерия проделала в куртине: пролом охраняли воины в доспехах Черного Легиона, мешая ему собрать безумцев, населявших город, и провести ритуал, благодаря которому откроются ворота в Око Ужаса. Рокот грома говорил, что шторм уже рядом и у Хаэрона и его войска остается не так много времени исполнить намеченное. Флот кузнеца войны Хонсу быстро приближался к планете, и нужно было обеспечить кораблям беспрепятственный переход.

Открыть ворота приказал сам Пертурабо, а Хаэрон был не так силен, чтобы не бояться гнева демонического прародителя своего легиона. Или приказ будет исполнен, или он поплатится за неудачу собственной жизнью. Отвернувшись от бреши, он посмотрел на Черного легионера — двое из избранных воинов принца удерживали пленника, прижимая его к выступающей из земли плите рокрита. Без доспеха, израненный, пленник истекал кровью, и покрасневшая дождевая вода струилась по плите в одну из воронок. Позади него выстроились шеренги Железных Воинов, ожидавших от Хаэрона приказ атаковать.

Принц демонов наклонился к изуродованной жертве, в оскале обнажив желтые, капающие слюной клыки. Он достал из ножен черный меч, по лезвию которого пробежал призрачный свет, и прижал острие к груди пленного.

— Почему ваш легион встал у нас на пути? — прошипел Хаэрон и вдавил клинок в тело жертвы. Черный легионер застонал, его лицо исказилось от невыносимой боли. Принц провернул клинок, лезвие глубже вошло в плоть, и наконец жертва оказалась насаженной на меч, который теперь приподнимал ее над плитой.

— Спрашиваю в последний раз. Почему Черный Легион не дает мне открыть ворота?

Легионер застонал — его тело под собственным весом соскользнуло ниже по клинку. Глаза воина закатились, и он прошептал:

— Ворота должны остаться тайной. Нельзя, чтобы о них узнали в Империуме, а за вашим кузнецом войны наверняка идет погоня.

Не дав воину договорить, Хаэрон поднял меч, разрубая его тело надвое, и останки с плеском рухнули в воронку. Молния вновь расчертила небо, и прогрехотал гром. Принц демонов повернулся к своей армии; если лакеи Абаддона думают, что смогут помешать ему выполнить приказ примарха, то они сильно ошибаются.

Воздев клинок, с которого капала кровь, Хаэрон отдал команду начать наступление.

Демоны Кхорна карабкались по бронированной шкуре дредноута Железных Воинов, выбивая из нее искры. В безумной ярости они отрывали пластины саркофага, стремясь добраться до мягкой плоти воина, останки которого покоились внутри. Некиссар Ван Даал выдернул ревущий топор из покореженных доспехов сраженного принца демонов. Тело Хаэрона уже начало распадаться и, вытекая из прорех, оставленных в броне топором противника, шипело

при соприкосновении с дождем. Ван Даал и его демоны победили принца, и теперь он, воздев топор к грозovým небесам, издал торжествующий рев.

Первый артиллерийский залп пришелся точно в центр брешы и уничтожил практически всех, кто там оказался. Огонь и осколки распоролы воздух, с одинаковой легкостью разрывая как демоническую плоть, так и керамит. Дредноут упал, не устояв в цепочке взрывов, а от демонов, напавших на него, осталось лишь облако зловонного ихора. Легионеры Ван Даала исчезли в огне; сам он почувствовал чудовищную боль в левом боку, практически уничтоженном разорвавшимися снарядами. Он выронил топор и упал, заливая кровью землю, которая продолжала содрогаться от гулких залпов артиллерийского обстрела. Ван Даал не знал, сколько уже продолжается стрельба, и в сознании его не осталось ничего, кроме боли и шума. Наконец оглушительный рокот стих, и он попытался встать, но ног у него не было — их оторвало по середину бедра, и из-под брони белели обломки костей. Перекатившись на спину, он потянулся за топором уцелевшей рукой.

Пальцы его уже обхватили рукоять, когда оружие прижал к земле бронированный сапог. Ван Даал поднял затуманивающийся взгляд и, увидев воина в доспехе цвета вороненого железа с черными и желтыми шевронами, попытался заговорить, но голос изменил ему. Железный Воин протянул блестящую механическую руку и забрал у него топор.

— Хорошее оружие, — сказал Хонсу, кузнец войны из легиона Железных Воинов. Примериваясь, он взвесил топор в руке.

— Врата должны... остаться в тайне, — глухо проговорил Ван Даал, умирая.

Хонсу кивнул, а потом размахнулся и опустил топор на шею легионера. Отрубленная голова откатилась в провал брешы и с плеском рухнула в наполненную водой воронку.

— Так и будет, — пообещал кузнец войны.

Враг моего врага

Мужчина, которого схватил Обакс Закайо, был слишком слаб и не смог даже закричать, когда тот швырнул его в зубастую пасть плавильной печи. Очередное зверство, и никто из рабов даже не поднял головы — никто не осмелился. В гневе Закайо был непредсказуем, выбирал жертв совершенно случайно и по чистой прихоти мог выместить злобу на любом из рабов, заточенных в этом жарком аду.

Ужасный гигант пошел дальше в оранжевом мареве, которое заполняло храм-кузницу; вокс-усилитель, установленный на вороненом наплечнике его доспеха, изрыгал команды вперемешку со скрипом статики. Пластины его силовой брони окаймляли черно-желтые шевроны, а каждый шаг сопровождался шипением пара, который вместе со зловонной черной жидкостью вырывался из трубок, оплетших сочленения доспеха. Воин был вооружен устрашающего вида цепным топором и потрескивающим энергетическим кнутом, который, извиваясь, висел на когте механической клешни, установленной на его спине.

В клубах пара и выхлопных газов то и дело мелькали языки пламени; от шлифовальных станков летели крупные желтые искры, из огромных котлов — каждый размером больше, чем голова титана — в литейные формы вытекали потоки раскаленного металла. Роль погонщиков выполняли чудовищные, омерзительные существа в масках из вулканизированной резины с круглыми стеклянными окулярами; от масок к баллонам, закрепленным на спинах тварей, тянулись рифленые шланги. Щелкая шипастыми кнутами, существа ковыляли по грохочущей кузнице, булькающими голосами отдавая команды сотням рабов.

Тот факт, что изможденные люди могли выживать и работать в таких ужасных условиях, несмотря на крайнюю степень истощения, свидетельствовал о стойкости их воли — именно она поддерживала в них жизнь со дня пленения. Никто из рабов не знал, сколько времени прошло с тех пор, как их, доблестных защитников имперской цитадели, доставили в цепях на эту кошмарную планету. Планету, в ослепительно белом небе которой горело черное солнце, темными лучами освещавшее исполинский город со столь безумной архитектурой, что можно было сойти с ума, если просто смотреть на нереальную геометрию зданий слишком долго.

На эту планету, которую местные обитатели называли Медренгард, было привезено около трех тысяч пленников, но теперь в живых оставалось меньше четверти. Удары кнутов, побои и скудная еда превратили плен в смертный приговор, исполнение которого растянулось на долгие дни.

Оскаленная морда, которая виднелась в конце центрального прохода кузницы, взревела, наполнив помещение хриплым воплем ярости. Именно энергия варпа, исходившая от скованного демона, обеспечивала безостановочное движение гигантских поршней, именно его гнев раскалял горны звездным жаром. Золотые инкрустации-обереги на полу надежно связывали демона, и его огненный взгляд блуждал по кузнице, вызывая в людях безумие и жажду крови. Но хозяева кузницы считали такую цену приемлемой и с готовностью ее платили: Железным Воинам было все равно, что каждый день уносит сотню или больше рабов — на место сотни встанет тысяча, и эти пленные будут работать, пока смерть не придет и за ними.

Три гусеничных бульдозера, сквозь метровый слой пепла тащившие за собой ржавые баки, въехали прямо в кузницу. Машинами управляли такие же твари в резиновых масках; не успели они остановиться, как рабы бросились к бульдозерам и, перегнувшись через края баков, стали вычерпывать жидкое сероватое варево, которое плескалось на дне. Когда-то они считали друг друга братьями и плечо к плечу сражались против темных сил; теперь же они били и пинали бывших товарищей в кровавой драке за жалкие объедки, которые выдавали им хозяева.

Сержант Эллард осторожно пробрался сквозь толпу к истощенному человеку, который сидел сгорбившись и опустив голову к коленям. Спутанные, грязные волосы, когда-то светлые, а теперь приобретшие тусклый серый оттенок, скрывали измазанное пеплом лицо.

— Вот немного еды, сэр, — проговорил Эллард.

Человек поднял на него взгляд покрасневших, воспаленных глаз, прикрытых слипшимися прядями волос, но ничего не сказал.

— Сэр, вам надо поесть.

— Зачем?

— Вы заболеете, если не будете есть.

— Мы же и так умираем, Эллард. Об этом позаботится проклятый рак — подарок Адептус Механикус. Так какой смысл пытаться отсрочить неизбежное?

Все еще протягивая командиру сложенные пригоршней ладони с кашей, Эллард присел на корточки и невозмутимо посмотрел на подполковника Михаила Леонида.

— Потому что мы из 383-го Джуранских драгун. Мы будем бороться до последнего вздоха.

— В точности как Корде, — сказал Леонид.

— Что?

— Неважно. — Леонид подставил ладони, и Эллард перелил в них баланду, из которой состоял весь рацион пленников. На поверхности серой жидкости плавали маслянистые разводы непонятного происхождения, напоминавшие пенистую накипь. Леонид поднес руки ко рту и начал пить гадкое варево, давясь кусками хрящеватого мяса. Он не знал, что это за мясо, и не хотел даже думать о его наиболее вероятном источнике.

Желудок скрутило спазмом, и Леонид с трудом сдержал очередной из уже привычных приступов тошноты, закрыв глаза, когда внутренности пронзил резкий укол боли. Канцерогены, воздействию которых подвергся и он сам, и весь его полк, уже начали проявлять себя.

Но Эллард был прав: они солдаты Джурана и Императора, и они не сдаются, даже если превратились в ходячих мертвецов. Леонид с усилием проглотил остатки каши и увидел, что приближается Обакс Закайо, этот мерзавец из Железных Воинов, который охаживал сбившихся вместе рабов энергетическим кнутом, зажатый в отвратительной механической клешне.

— А ну, отребье, поднимайтесь! — орал он. — Работа не ждет. Или я сотру ваши кости в порошок и скормлю вас кузнечному демону! Встать! Встать!

И почему все так обернулось? Леониду казалось, что он уже целую жизнь мучается на этой кошмарной каторге, но разум подсказывал, что на самом деле времени прошло гораздо меньше — всего несколько месяцев с тех пор, как Железные Воины захватили цитадель Гидры Кордатус, заковали пленников в цепи и отправили их в гулкие трюмы тюремных транспортов, ждущих на орбите.

Когда он смотрел на цитадель в последний раз, ее стены рушились, огонь пожирал здания, некогда величественные, а пространство у Врат Прощания было усеяно оскверненными, выпотрошенными трупами Имперских Кулаков. Предатели как животных согнали новых рабов на свои баржи, где их держали в цепях и избивали до самого прибытия в это страшное место.

Леонид знал, что галактика огромна и в ней есть много странного и невероятного, но этот мир был чем-то исключительным. Убеленные сединой ветераны рассказывали истории о планетах, расположенных внутри страшного региона космоса, называемого Око Ужаса. Здесь властвовали могущественные демоны и служители Губительных Сил; здесь боги, чьи имена нельзя называть, управляли самой реальностью и меняли подчиненные им миры согласно своим безумным прихотям. Тогда Леонид, как и другие, смеялся над подобными байками, хотя в смехе его и звучали нотки страха: а если эти байки — правда?

Теперь он знал, что так и есть.

Его накрыла тень Обакса Закайо; на фоне огненных горнов монстр в вороненом доспехе казался черным силуэтом.

— Эй ты, раб. Встань, — приказал Железный Воин.

Леонид подчинился. Не выполнить приказ Обакса Закайо означало смерть, но Леонид, несмотря на все удары судьбы, не собирался умирать от руки этого ублюдка.

Железный Воин наклонился, и пленник, оказавшись в островке бледного желтого свечения, исходившего от визора, и почувствовав жар дыхания из респиратора шлема, с трудом сдержал тошноту.

— Другие рабы носят тебе еду. Ты среди них главный?

— Был, — признал Леонид. — Раньше.

Обакс Закайо рассмеялся, и Леониду показалось, что по его нервам прошли ржавым лезвием. Поддев потрепанный эполет на плече пленника, воин стер слой жирной золы, под которым обнаружился погон подполковника, когда-то позолоченный.

— Ты позволил взять себя в плен. За это, раб, боги войны будут вечно смеяться над тобой.

— Лучше их смех, чем вечное проклятие, — огрызнулся Леонид.

— Проклятие? — усмехнулся Обакс Закайо, как будто никогда раньше не слышал этого слова.

— Пусть так, но у меня есть вечная жизнь. Есть сила. А что есть у тебя?

Ненависть поднялась волной, но Леонид ничего не ответил, держа эмоции под контролем. Все тело у него болело, он безмерно устал, но поддаваться на провокации Железного Воина он не станет.

Краем глаза он заметил какое-то крадущееся движение, а затем услышал приглушенный вскрик, донесшийся сквозь грохот кузнечных механизмов и рев плененного демона. Обакс Закайо тоже заметил эти передвижения: он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как на его шлем стремительно опускается железный лом.

Предатель упал на одно колено, а Леонид отшатнулся назад.

Несколько худых рабов взобрались на блок двигателя передового бульдозера, вытащили водителей наружу и начали забивать их острыми кусками твердой руды. Демоническая кузница встретила такую жестокость радостным воплем, и ее обычные стенания превратились в ревущий ураган.

Загрохотали выстрелы, и некоторые рабы упали. Брызнувшая кровь с шипением пролилась в литейные формы, наполняя воздух характерным запахом. Мутанты, управлявшие двумя другими бульдозерами, попытались дать задний ход, но не успели: разъяренные пленники разорвали их на части, давая выход гневу, который месяцами рос в них из-за постоянных издевательств и мучений.

Сержант Эллард первым сориентировался в том, что происходит, и бросился к ближайшему бульдозеру, чтобы помочь пленникам.

— Разверните его! — заорал он и указал на центральные ворота кузницы: две группы мутантов толкали створки, закрывая проход. Понимая, что это их шанс, Леонид оскалился в усмешке — и тут же согнулся пополам от мучительного спазма в животе. Он упал на колени, и его вырвало; казалось, что вместе с тухлой баландой выходит вся слизистая желудка.

Рабами словно завладело безумное исступление: они избивали мучителей так, что их тела превращались в кровавое месиво, и при этом по лицам пленников, оставляя полосы в грязи, текли слезы страха. Наконец одному из джуранцев удалось добраться до руля неповоротливой машины. Бульдозер, над которым прошли несколько огромных котлов с расплавленным металлом, рванулся с места, подняв удушливое облако золы. С дикими воплями радости пленники забрались на машину, и та двинулась к воротам, за которыми виднелось ослепляюще белое небо.

А потом Обакс Закайо, придя в себя, поднял руку — громоздкую конструкцию из переплетающихся шлангов, шипящих вентилях и орудийных стволов. Леонид хотел окликнуть товарищей, предупредить их, но от боли в животе не мог издать ни звука. Из руки Обакса Закайо вырвались длинные языки пламени, и очередь разрывных болтов скосила пленников, цеплявшихся за борт машины. Полилась кровь, на пол посыпались тела, крики боли эхом раздавались по всей кузнице, а Железный Воин не прекращал огонь.

— Нет! — закричал Леонид. — Хватит!

Призыв Леонида вызвал у Обакса Закайо лишь смех; он рывком поднял бывшего подполковника на ноги, чтобы тот мог лучше видеть происходящее. Борта машины были заляпаны кровью и внутренностями, и ее вдруг повело вбок, к стене кузницы — очередной выстрел срезал макушку водителя. Возмездие Железного Воина заставило рабов броситься врассыпную в поисках укрытия, забыв про бульдозер.

Леониду, извивавшемуся в руках своего тюремщика, пришлось смотреть, как машина врезалась в подпорки, поддерживавшие рельсы конвейера, по которому перемещались огромные котлы с расплавленным металлом. Тягач двигался с небольшой скоростью, но его массы хватило, чтобы вырвать подпорку из креплений и смять ее. Котел, в тот момент как раз пересекавший кузницу, медленно закачался, так же медленно наклонился — и сорвался с конвейера.

Жидкий металл, хлынувший на пол, по температуре не уступал магме и за секунду превращал в пар все, с чем бы ни соприкоснулся, — плоть, кости и железо. В одно мгновение погибли десятки рабов, а от бульдозера остался лишь шипящий расплавленный шлак. Алые реки смертоносным потоком потекли дальше, и там, где они прошли, от замысловатых золотых рун в поверхности пола не оставалось и следа. Чем ближе расплавленный поток подходил к горловине печи, тем больше рун он стирал, и демон кузницы приветствовал уничтожение берегов ликующим ревом.

Внезапно поняв, чем это грозит, Обакс Закайо бросил Леонида и кинулся к выходу. Джуранец кашлял, стараясь восстановить дыхание, а поток тем временем начал остывать — скорость его замедлилась.

Но ущерб уже был нанесен.

Последняя руна расплавилась, и демон вырвался на свободу.

Тысячелетия плена не прибавили милосердия этому порождению варпа: он атаковал в слепой ярости всех, кто оказался рядом. В сгустке губительного черного света то и дело всплывали очертания неведомых фигур, которые сразу же растворялись в призрачном веществе, из которого состоял демон. Первые жертвы даже не успели закричать — их плоть уже начала слезать с костей.

Леонид откатился в сторону от темного щупальца, которое хлестнуло пол, оставляя на нем шипящий след. Существо, окруженное черным светом, напоминало извивающегося спрута и становилось только сильнее благодаря страху и ненависти, пропитавшим кузницу. От него во все стороны расходились черные маслянистые отростки; одних они поднимали в воздух, других рассекали на куски. На пол падали уже пустые оболочки тел, в которых не осталось души.

Чтобы спастись от потока расплавленного металла, все еще опасно горячего, Леониду пришлось вскарабкаться на один из скрежещущих станков. Каждый хотел взобраться повыше,

и рабы дрались за безопасные места со звериной жестокостью. Люди сбрасывали своих товарищей в огонь, чтобы хоть на миг продлить свою жизнь.

Словно само безумие, обретшее форму, клубок тьмы разрастался, черные щупальца удлинялись и твердели — теперь они пробивали стены и потолок кузницы с такой же легкостью, с какой человек мог бы разрушить кукольный домик. Балки, на которых держались крыша и дальняя стена, прогнулись и лопнули с мучительным скрежетом рвущегося металла. Леонид прикрыл голову руками, защищаясь от каскада обломков и молясь Богу-Императору, чтобы тот помог ему выжить в этом хаосе.

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем он понял, что все еще жив и что демон умолк. Он осторожно посмотрел сквозь пальцы — и увидел обжигающую белизну неба там, где мстительная тварь проделала огромную прореху в стене. Сам демон исчез, и только в небе еще виднелась удалявшаяся черная точка.

Леонид скривился от боли. На это невероятное, отвратительное небо было так же трудно смотреть, как и на солнце, и он заставил себя отвести взгляд.

От бульдозеров остались только шипящие лужи расплавленного железа. Тут и там из жидкого металла торчали кости и обуглившиеся фрагменты тел, вокруг которых еще танцевали языки пламени. Грохот, до этого стоявший в кузнице, стих: без энергии, которую давал демон, станки не могли работать, молоты и поршни замерли.

Осматриваясь в разоренной кузнице, Леонид с облегчением увидел, что сержант Эллард пережил разгром, устроенный сбежавшим демоном, — он как раз выбирался из-за обломков огромной фрезерной машины.

Эта спонтанная — и неудачная — попытка бегства стоила жизни десяткам пленников, а те, кто уцелел, были слишком потрясены случившимся, чтобы воспользоваться временным отсутствием надзирателей. Леонид решил было, что у них еще есть несколько мгновений, чтобы обратить ситуацию в свою пользу, но в этот миг лязгнули двери кузницы, и на пороге появились с десяток Железных Воинов, казавшиеся черными на фоне белого неба.

Все оставшиеся надежды на побег развеялись как дым.

Леонид упорно смотрел только на уныло-серый рокрит платформы, на котором ветер закручивал спирали пыли и пепла. Он хотел отрешиться от кошмарных криков, которые издавали шпалы; небо над головой сияло белым, некуда было скрыться от этой жестокой яркости, на фоне которой солнце казалось зыбким черным провалом злобного глаза. Его окружали товарищи-джуранцы и другие невольники, сбившиеся в плотную толпу, и от запахов крови, страха и вони немытых тел было трудно дышать. Бывший подполковник вздрогнул, когда к этой смеси прибавился демонический смрад, принесенный порывом ветра, похожим на вздох умирающего, из пасти недавно образовавшегося туннеля.

Леонид бросил один взгляд внутрь, в беспокойную тьму. Голова сразу же начала

раскалываться от боли: его органы чувств не могли справиться с образами других реальностей, возникавшими и исчезающими под лязг клинков и колокольный звон. Каждая клетка тела вибрировала в ответ на резонансные частоты, которые исходили от этой раны в ткани вселенной, от этого межпространственного гнойника — а он все увеличивался, источая волны страданий и скверны. Наступило напряженное затишье, как перед бурей. Что-то приближалось, что-то столь древнее и ужасное, что разум Леонида не мог даже представить масштабы этого зла.

Но потом Обакс Закайо заслонил от него туннель, и наваждение развеялось.

— Да, раб, ты чувствуешь его прибытие? Это Омфал Демониум.

Леонид не ответил: проклятое имя, произнесенное вслух, вызвало новый болевой спазм во внутренностях, и он в очередной раз пожалел, что не умер по пути к этому злосчастному месту.

Его бывшие подчиненные кровью заплатили за неудавшийся побег. Те, кто пережил освобождение демона, в страхе сжимались перед Обаксом Закайо, чтобы затем погибнуть под ударами его кулака. Пленников вытаскивали из укрытий и бросали в давяльные станки, засовывали в дробилки, окунали в чаны с расплавленным металлом. Конечности превращались в окровавленные обрубки, кости — в пыль, тела — в дряблые мешки. Все возможные виды боли, все виды мучений — в своей мести Железные Воины не забыли ни один из них. Предатели, одержимые желанием унижить и растоптать врага, за считанные минуты умертвили сотни рабов.

Потом Обакс Закайо поднял Леонида на один уровень с разбитым визором своего шлема:

— Ты у них главный.

— Нет, — выдохнул Леонид. — Я же говорил тебе, я не...

— Но они все еще считают тебя лидером, — перебил его Железный Воин. — И поэтому некоторых из них я сейчас убью. Или ты заставишь своих людей повиноваться, или я убью их всех. Не тебя — их. Всех.

— Но...

— Молчать! — рыкнул Обакс Закайо. — Делай, что сказано. Без демона в кузнице от вас нет никакого проку, поэтому вас отправят работать в оружейных мастерских Кузнеца Войны Хонсю. Попробуете сбежать от него — и узнаете, как наказывают по-настоящему.

Рабов, которых не скормили машинам, вывели наружу и погнали дальше — в лабиринт из фортификационных сооружений, утыканных лезвиями, и километров траншей, стены которых

были облицованы рифлеными металлическими листами. Бронированные блокгаузы и доты щетинились немыслимо огромными орудиями; пространство между огневыми точками было заполнено непроходимым переплетением колючей проволоки.

Далекий гул артиллерии не смолкал ни на миг, но оставалось только гадать, кто ведет сражение и зачем. Путешествие к неведомому Кузнецу Войны Хонсю стоило жизни десяткам рабов: они валялись с ног от голода и усталости, не выдерживали жестоких побоев или гибли, просто потому что подвернулись Обаксу Закайо под руку.

Изнурительный переход длился несколько дней, хотя на планете, где солнце никогда не садилось, а небо не темнело, само понятие времени теряло смысл. Каждый новый день приносил новые ужасы, новую скверну: ряды выпотрошенных тел вдоль дороги, люди и ксеносы вперемешку, некоторые трупы настолько изуродованы, что определить, кем они были при жизни, уже невозможно. Башни из черепов; поля вздымающейся плоти; огромные монолиты, сложенные из отполированных костей.

Леонид заметил, что их путь ведет к горному хребту — мрачному, затянутому пеленой дыма, — вершины которого терялись в сиянии неба или скрывались за темными облаками. Столбы дыма поднимались и над предгорьями, причем этот дым казался разумным: словно подчиняясь чьему-то приказу, он клубился так, чтобы скрыть от посторонних глаз как ужасы, так и чудеса, которые таились на сумрачных склонах.

С каждым днем зловещие горы становились все ближе, и Леонид со страхом понял, что именно туда они и направляются. С той же пугающей уверенностью он понял и другое: никто из них не переживет подъем на эти жуткие вершины. Каждый раз, когда у него появлялась возможность выглянуть из лабиринта фортификаций, Леонид смотрел на эти горы, чувствуя отвращение и при этом не в силах отвести взгляд. Цитадель на Гидре Кордатус построил забытый, но гениальный архитектор, но даже тот шедевр инженерной мысли казался пустяком по сравнению с уродливыми фортификациями этой планеты: песчинка против темной громады. Леонид сомневался, что найдется такая армия, которая сможет пробиться через эти редуты или сокрушить такие стены.

Но наконец их путешествие закончилось. Перед ними был прямоугольный загон не меньше километра в ширину и двух в длину: огороженная земляная площадка, вход на которую преграждали ворота, опутанные колючей проволокой. Где-то поблизости раздавались крики — плач и стенания проклятых. От этого звука Леонида бросило в дрожь, крики словно пронзали его череп невидимыми осколками стекла. Земля, оказавшаяся неожиданно вязкой и мягкой, сочилась красной жидкостью. Леонид присмотрелся — и понял, что она пропитана не водой, а свежей кровью, и сквозь алую почву просвечивают белым кости и черепа. Невобразимо. Сколько же людей здесь погибли, что почва на столь огромной территории уже не может впитать их кровь? Сколько их отдали свою жизнь, чтобы утолить омерзительную жажду этой темной, безрадостной земли?

Внутренности Леонида опять пронзил спазм; несмотря на то, что желудок его был пуст, отвратительный запах свежей крови все равно спровоцировал рвотные позывы. Сержант Эллард помог ему удержаться на ногах, и они пошли по толстому деревянному настилу в центр загона.

Неужели это конец? Неужели эта площадка — место казни? Значит, пленников привели сюда, чтобы добавить их кровь к той, что уже пролилась из тысяч тел? Леонид стряхнул руку Элларда. Какую бы судьбу им ни уготовили Железные Воины, он встретит ее, твердо стоя на ногах без чужой помощи.

Когда они приблизились к центру, Леонид увидел, что из пропитанной алым земли выступает длинная полоса рокрита; вдоль нее, пересекая всю арену, протянулся рельсовый путь. Когда пленные джуранцы поднялись по ступеням на рокритовую платформу, они наконец увидели источник криков. Шпалы, на которых держалось железнодорожное полотно, корчились от мучительной боли, так как сделаны они были из тел и конечностей, спрессованных в одно целое с помощью темного волшебства. И все они кричали словно в горячечном бреде, и вопли их сливались в нестройный хор, напоминая плач банши. На поверхности шпал проявлялись то глаза, то рты, исполненные мучений, — и сразу исчезали, чтобы следующая душа могла рассказать о своем бесконечном страдании.

При виде этой пытки некоторые пленники плача падали на колени, их рассудок, и так уже истерзанный, не мог выдержать подобного. Обакс Закайо столкнул безумцев с платформы, и несчастные со всплеском погрузились в алую жижу. Едва они оказались внизу, как из темной земли протянулись костлявые руки; пальцы скелетов хватали людей и одного за другим утаскивали под землю навстречу неведомой судьбе.

Леонид пытался заставить себя не слушать булькающие крики тех, кто тонул в кровавой почве, кто должен был стать пищей для ненасытных призраков, таящихся внизу. Он закрыл глаза...

Хрупкие кристаллы переменных мироздания сталкиваются и вибрируют, разъединяя грани и перемещаясь для того, чтобы резонировать на других частотах. Эхо времени позволяет граням смещаться и изменяться, преломляя параметры реальности, чтобы те позволили измерениям разъединиться и сложиться вновь во всех возможных вариантах.

...и, вскрикнув, тут же открыл их. У него закружилась голова, и он схватился за Элларда, чтобы устоять на ногах.

— Сэр?

— Кровь Императора! — прошептал Леонид, оглядываясь. Земля всколыхнулась, и эта дрожь тошнотворной вибрацией отозвалась в его теле. Иззубренные кости, высунувшиеся из земли, опять погрузились в кровавую глубину, и люди-шпалы заплакали от новых мучений.

В том месте, где рельсы исчезали в стенах этой огромной арены, кладка сочилась потоками разноцветной слизи. Спирали мерцающего света исходили от стены, образуя огромную линзу. Казалось, что стена растягивается, словно некая сила пытается разорвать плаценту реальности. Когда же это произошло, не осталось ничего, кроме пульсирующего водоворота непроглядной тьмы, а дорога в ад была обрамлена ожерельем из пронзительно кричащих черепов, славящих смерть.

Варп и реальность сошлись здесь, соединились во времени и пространстве на бронзовых рельсах. На дороге, ведущей из Ниоткуда в Никуда, Омфал Демониум вызволил сам себя из небытия, чтобы обрести тело. Он выполз из своего дьявольского лона и ничего не принес с собой, кроме насилия и смерти.

Обакс Закайо засмеялся, но Леонид слышал в этом смехе затаенный страх.

Пришествие Омфала Демониума свершилось.

Хотя сама плоть Леонида инстинктивно предчувствовала, что приближается небывалое зло, ощущения смертного ни в малейшей степени не могли передать истинное величие твари. Словно вестник конца времен, Омфал Демониум с ревом неся по кровавым рельсам, приближаясь к оцепеневшим пленникам.

Некоторые попытались бежать — погонщики убили их на месте. Другие падали замертво от страха или сжимались в комок на платформе, не в силах контролировать свой кишечник, словно младенцы. Сам Леонид при виде чудовищного поезда рухнул на колени.

— Правильно, нужно проявлять почтение, — одобрил Обакс Закайо.

Огромный паровоз с железными вагонами мчался к платформе, работая поршнями из костей, разбрызгивая кровь и расточая тысячи безгубых улыбок, — черепа скалились со всех поверхностей. Локомотив был очень похож на древний паровоз, но приводился в движение не углем, а темными силами варпа. Состав неся с таким грохотом, что отказывались служить все доступные человеку пять чувств. Звук многократно отражался от граней разных реальностей, которые пересекались в месте, называемом Око Ужаса, — месте, где такие явления были нормой, а не исключением.

За локомотивом шла цепь железных товарных вагонов, изъеденных ржавчиной, больше смахивающей на запекающуюся кровь и экскременты. Леонид чувствовал — знал, — что в этих адских вместилищах заперты миллионы душ, которые несутся навстречу смерти по прихоти дьявольской машины. Омфал Демониум сбавил обороты, вызвав у людей-шпал финальный вопль за пределами слышимости, и остановился у края платформы.

В полной мере ощутив величие зла, воплощенного в этом демоническом механизме, Леонид заплакал кровавыми слезами, а его кишечник и мочевой пузырь непроизвольно опорожнились. Ему послышался раскатистый хохот, а затем двери вагонов с противным лязгом открылись. Красноватый пар с шипением вырвался из-под панцирной шкуры Омфала Демониума, и Леонид перекатился на спину. Вновь прозвучал раскат злорадного смеха, клубы пара начали расползаться, словно замышляя недоброе. По мере того как пар приближался к испуганным рабам на платформе, его облака становились все плотнее. Сгусток тумана обхватил одного из плачущих невольников и поднял его с земли; это послужило сигналом для других, и тело несчастного в один миг оказалось окутано паром, который, как голодный хищник, впитывал в себя плоть, пока от человека ничего не осталось.

Затем клубы пара исчезли, и оцепеневший Леонид увидел, что на их месте возникло восемь фигур, одетых в бесформенные робы и высокие сапоги; каждое из этих существ несло множество жутких инструментов — ножей, серпов и пил на кожаных ремнях.

Их лица только очертаниями напоминали человеческие, поскольку кожа с них была содрана, а на самих черепах держалась лишь благодаря грубым швам. Существа крутили головами, как будто охотились по запаху, и Леонид смог рассмотреть их подробнее. Оказалось, что лица вообще не имеют характерных черт, поскольку, кроме растянутых ртов с клыками, у этих существ не было ничего — ни глаз, ни ушей, ни носов, на месте которых были только похожие на опухоли наросты.

Существа приблизились к пленникам и, руководствуясь неведомой логикой, начали выхватывать людей из толпы. Сломав жертве позвоночник, они погружали клыки в почерневшую раковую ткань у нее на шее и высасывали содержимое. Леонид зажал уши, чтобы не слышать их омерзительного чавканья, а когда одна из тварей прошла рядом, почувствовал прилив удушающего страха, хотя до этого думал, что сильнее испугаться уже невозможно.

Уродливая морда повернулась к нему, опухолевые наросты раздулись от предвкушения, черные пальцы схватили Леонида за лохмотья, в которые превратился его китель, и вздернули на ноги. Пленнику показалось, что его обложили кусками гнилого мяса, кишашего жирными червями. Мертвенное лицо придвинулось совсем близко, дыхание твари было смрадным до тошноты. Она мотала безглазой головой из стороны в сторону, как будто принимаясь и стараясь определить, насколько хорошей добычей он станет.

— Ты нравишься саркоматам, — прошипел Обакс Закайо. — Они являются воплощением физического разложения, а потому опухоли на твоём теле для них настоящее лакомство.

Тварь потянулась клыкастым ртом к его шее, и Леонид уже приготовился к смерти, но Омфал Демониум, похоже, имел на него свои виды, и простое уничтожение в эти планы не входило. Демоническое создание нетерпеливо рыкнуло, его слуга зашипел в ответ и швырнул Леонида внутрь первого вагона, пол которого был скрыт под слоем разлагающейся плоти и экскрементов.

Утолив свой противоестественный голод, саркоматы погнали к поезду и остальных пленников, а когда вагоны были набиты под завязку, запечатали двери.

— Как думаете, куда они нас везут? — спросил Эллард.

— Не знаю, сержант, — ответил Леонид, — но этот подонок Обакс Закайо упоминал какое-то имя. Хонсю, кажется.

— Хонсю?

— Да, что-то вроде.

— Это имя я уже слышал, — сказал Эллард.

— Да? Где же?

— На тюремном транспорте по дороге сюда. Кажется, именно он командовал армиями на Гидре Кордатус.

Леонид содрогнулся, вспомнив облик командира Железных Воинов, стоявшего у стен цитадели. Капитан Эшара сказал, что это Кузнец Войны, и Леонид прекрасно помнил тошнотворный ужас, который охватил его при виде этого древнего и грозного воина и испещренного рунами знамени, которое он нес. Если их нынешнее путешествие в зловонном аду вагонов действительно завершится во владениях столь чудовищного создания, то, возможно, смерть от рук саркоматов была бы не такой уж плохой альтернативой.

Почти сто человек теснились в вагоне, рассчитанном на половину их числа, и вонь внутри была невыносимая. В такой тесноте можно было только стоять, вплотную прижавшись к соседям, и места едва хватало, чтобы хоть слегка пошевелиться. Кто-то плакал, кто-то стонал, на грязных досках вагонных стен мелькали всполохи света, а демонический локомотив, громяхая, взбирался все выше в горы, к тьме.

Запах дыма и электрический привкус в воздухе напомнили Леониду о том дне, когда он оказался в недрах Храма Машины в цитадели. Он выглянул в одну из щелей в стене вагона и постарался рассмотреть хоть что-нибудь в ярком свете снаружи. Мимо проносились покрытые пеплом скалы, из-под колес, в которых были заключены проклятые души, вырывались зеленые искры.

Темная завеса облаков приближалась; иногда сквозь прорехи в ней можно было увидеть тревожные очертания зубчатого пика, бастиона или ошестинившегося орудиями редута. Поезд начал долгий плавный поворот, и Леонид увидел, что они едут по невообразимо огромному мосту. Тысячи балок и ферм складывались в конструкцию, которая, презрев гравитацию, соединяла два края бездонной пропасти. В ее глубинах клубился туман, сверкали молнии и слышались хриплые крики каких-то крылатых тварей.

— Нужно выбираться отсюда, сержант.

— Согласен, но как?

— Пока не знаю, но если останемся, мы покойники.

— Все хорошие бойцы, кого я знал, погибли в стычке в кузнице. С боеспособностью у нас неважно.

— Думаешь, я этого не понимаю, Эллард? — со злостью сказал Леонид. — Но лучше смерть при попытке к бегству, тем то место, куда нас везут. В кузнице Обакса Закайо было ужасно. Не хочу выяснять, каким окажется этот Хонсю.

Эллард кивнул и, устало прислонившись к стенке вагона, посмотрел на безрадостную панораму снаружи. Вокруг его глаз пролегли глубокие морщины, и Леонид впервые заметил, как сильно осунулся его сержант. Как и большинство офицеров, Леонид во многом полагался на сержантов и в первую очередь — на Элларда; тягостно было видеть, во что превратился этот некогда могучий мужчина.

Внезапно Леонид почувствовал, что до смерти устал. Глаза сами собой начали закрываться, он зевнул и не смог заставить себя пошевелиться, даже когда слышались приглушенные хлопки, похожие на выстрелы.

— Сэр, пригнитесь! — крикнул Эллард и потянул его на пол. В набитом битком вагоне это было непросто, но сержант, хоть и измотанный лишениями, все равно был сильнее многих.

— Проклятье, что ты делаешь? — возмутился Леонид.

— Не высовывайтесь!

Леонид перекатился на бок, и в это время стены затрещали под градом пуль, которые оставляли в планках дыры размером с кулак. Полумрак вагона пронзили лучи света, и траекторию каждого снаряда можно было увидеть по кровавому следу, который он проложил в толпе. Попавшие на линию огня дергались, словно безумные марионетки, и вагон наполнился кровью, криками и дымом. В давке убитые так и оставались стоять, наваливаясь на живых; крови было столько, что она залила весь пол и начала вытекать из-под дверей.

Леонид слышал, как что-то загрохотало по крыше.

— Что происходит?

— Кажется, нас атакуют. Или спасают. Не уверен, на что это больше похоже.

Три искрящихся клинка проткнули медную обшивку крыши, и огромная рука отогнула металл, словно это был лист бумаги. Фигура, контуры которой четко выступали на фоне ослепительного неба, была облачена в угольно-черный силовой доспех и казалась гигантской. Космический десантник...

То, что затем прокричал незнакомец, всколыхнуло в пленниках надежду:

— Рабы, поднимайтесь! Поднимайтесь и дайте отпор Железным Воинам!

Леонид встал на ноги, чувствуя прилив сил оттого, что его молитвы были услышаны. Космодесантник посмотрел в сторону локомотива и добавил:

— Быстрее! Саркоматы скоро будут тут.

Истерически смеясь одновременно от страха и облегчения, Леонид начал карабкаться вверх, к свободе. Отверстия в стене, оставленные выстрелами, облегчали подъем, и вскоре он уже просунул голову в прореху в крыше и с наслаждением почувствовал, как освежающий поток ветра ерошит волосы. Подтянувшись, он выбрался на крышу вагона и, встав на колени, протянул руку Элларду.

Над головой сияло белизной небо, а черное солнце тянулось темными лучами за очередной горный хребет. Услышав, как космодесантник втягивает энергетические когти в перчатку, Леонид заставил себя отвести взгляд от далекого пейзажа и вместо этого присмотрелся к воину. Его доспех, покрытый вмятинами, царапинами и заплатками, мало походил на обычно надраенную до блеска броню Имперских Кулаков, которых Леонид видел на Гидре Кордатус. Горячий пар поднимался из сопел его прыжкового ранца, а на наплечниках просматривалось белое изображение хищной птицы, перечеркнутое красным крестом. Такой же рисунок был и на визоре шлема.

На крышах других вагонов было еще несколько космических десантников, все в доспехах разных типов и цветов и с символами разных орденов на наплечниках. Они вытаскивали пленников наружу и направляли их в конец состава; Леонид глянул в грязную клетку, из которой вырвался, — и понял, что только они с Эллардом последовали приказу выбираться. В вагоне еще оставалось около сорока человек, которые смотрели на воина с ужасом.

— Кто ты? — спросил Леонид, перекрикивая шум ветра.

— Ардарик Ваанес из Красных Корсаров, — ответил воин, доставая пистолет. — Спрячьтесь за меня.

Изо всех сил цепляясь за обшивку крыши, Леонид и Эллард поползли вдоль вагона. Один неосторожный взгляд вниз — и у Леонида закружилась голова от вида бездны, над которой мчался демонический поезд. Он перекатился на спину как раз вовремя, чтобы заметить Обакса Закайо, который карабкался на крышу.

— Осторожнее! — крикнул джуранец, когда потрескивающий энергетический кнут взвился для удара.

Заслоняясь от атаки, Ваанес поднял руку, и кнут обвился вокруг нее, вспыхнув электрическим разрядом. Воин застонал от боли и выронил пистолет, который скользнул по крыше к краю вагона.

Космодесантник попятился прочь от огромного Железного Воина и быстро оглянулся на

Леонида с Эллардом:

— Пробирайтесь вперед! Нужно остановить локомотив, пока мы не доехали до форпоста крепости. Идите же!

Обакс Закайо вновь хлыстнул кнутом, и Ваанес упал на колени. Эллард и Леонид поползли вперед, к торцу вагона; тем временем Железный Воин с грохотом шагнул к бившемуся в конвульсиях противнику, механическая клешня выдвинулась, чтобы сломать ему шею.

Взревев, Ваанес попытался достать Обакса Закайо молниевыми когтями, но тот топором отбил удар и сомкнул пальцы клешни на горле врага.

— Как вы, ренегаты, смеете красть рабов, предназначенных для Кузнеца Войны Хонсю? — зарычал Обакс Закайо. — За это вы умрете.

Клешня сжалась, и даже сквозь вой ветра Леонид услышал, как трещит керамит. На самом краю крыши что-то металлически блеснуло на солнце — пистолет, который обронил космический десантник.

Леонид подтянул оружие к себе, поражаясь его размерам и весу. Слишком тяжелый, чтобы удержать в одной руке; он перекатился на спину, прижал пистолет к груди и опустил ствол на предплечье, но даже так отдача выбила оружие из рук, едва он нажал на спусковой крючок. Леонид еле успел дотянуться до пистолета, чтобы не дать ему соскользнуть в пропасть.

Но выстрел получился точный — по крайней мере, достаточно точный, чтобы повлиять на исход боя. Снаряд попал в визор Обакса Закайо, отчего воина развернуло на месте. Клешня на горле Ваанеса разжалась, и он быстро встал на ноги.

— Быстрее! — Космодесантник указал на железнодорожные пути. — Я же сказал вам остановить поезд до того, как он достигнет форпоста!

Обернувшись, Леонид всмотрелся в завесу смога впереди — и не поверил своим глазам. Во тьме виднелась крепость, встроенная в саму плоть горы архитектором, который не знал ограничений здравого рассудка и в качестве материалов использовал кошмары. Шпили ее башен пронзали небо, а ворота казались оскаленной пастью; именно в ее глубинах исчезал рельсовый путь, по которому ехал Омфал Демониум. В темном, пропитанном кровью камне стен светились, обжигая глаза, прожилки неестественных цветов, которым не было места в нормальном мире. Над башнями плясали дуги молний и грохот огромных машин, работавших внутри, громовым эхом разносился по округе. И это был всего лишь форпост?

— Кровь святая! — прошептал Эллард.

— Точнее не скажешь, — согласился Леонид.

Лязг оружия за спиной и вид циклопической крепости впереди напомнили джуранцам, что медлить нельзя. Они подползли к краю вагона и почувствовали тлетворную ауру вечной боли, которая волнами исходила от демонического локомотива. У Леонида потекла кровь из носа и ушей, но он все равно поднялся на ноги, готовясь перебраться на локомотив. Между ним и вагонами располагался заляпанный кровью тендер, доверху наполненный расчлененными трупами; мелькая в клубах алого дыма, валившего из трубы грохочущего локомотива, саркоматы лакомились мертвечиной.

— Нужно двигаться быстро, — сказал Эллард.

Леонид кивнул, сглотнул подступившую тошноту и спрыгнул на груды тел. В этот момент тендер накренился, и он упал, успев выставить руки перед собой и по колено погружаясь в мешанину из отрубленных конечностей. Эллард приземлился рядом и помог ему встать; вместе они двинулись вперед, осторожно пробираясь через нагромождение тел. От трупных газов и кровавого тумана в воздухе было трудно дышать, а дым, клубившийся вокруг, был явно плотнее, чем положено подобной субстанции.

— Император помилуй, — пробормотал Эллард, увидев, что наступил на оплывшее лицо мертвеца.

Леонид с облегчением достиг противоположного конца тендера, но глаз с клубов дыма не спускал. Он перебрался через бортик вагона и уже повернулся, чтобы помочь сержанту, когда в дыму возникло призрачное лицо — безкожая маска, на которой выделялся клыкастый рот.

— Быстрее! — заорал Леонид. Он отбросил за спину пистолет, который взял у Ваанеса, и потянул Элларда к себе, но призрачные руки уже обхватили плечи сержанта и тянули его в противоположную сторону. К счастью, саркомат материализовался не полностью и потому не мог справиться с двумя джуранцами: подстегиваемый отчаянием, Леонид рванул изо всех сил и вытащил Элларда из тендера.

Они оба повалились на железную платформу в задней части локомотива. Внутрь вела обшитая медью дверь, но Леонид не увидел ручки, с помощью которой ее можно было бы открыть, — в двери было только решетчатое окно, из которого вылетали хлопья золы и тянуло вонью горелой плоти. Между тем саркоматы, обретая все более ясные очертания и шипя в предвкушении свежего мяса, начали выбираться из тендера.

Джуранцы прижались спинами к двери; Леонид опустился на одно колено, чтобы подобрать упавший пистолет, и в этот момент саркомат бросился на него, целясь когтями в шею.

Прогрохотал выстрел, и демон лишился головы. Кровь брызнула на металл двери и тут же с шипением испарилась, словно попав на раскаленный противень. Вся дверная коробка всколыхнулась, и стоило Леониду прислониться к двери, как та распахнулась, как будто открылся невидимый замок.

Леонид ввалился в машинное отделение, в котором было невообразимо жарко. Эллард не

мешкая последовал за ним и захлопнул дверь, которая прогнулась под напором саркоматов, не желавших отказываться от добычи. Пошатываясь, Леонид выпрямился; он физически ощущал голод этих тварей.

Но даже отвратительные саркоматы не шли ни в какое сравнение с тем местом, где оказались джуранцы. Машинное отделение локомотива противоречило всем представлениям о геометрии и пространстве и напоминало огромную пещеру — больше, чем кузница-храм Обакса Закайо — с красными сводами, которые терялись в дыму. На другом конце помещения полыхала огромная топка, за которой следил гигант в громоздком доспехе из железных листов и толстых кусков вулканизированной резины. Поверх древней брони он носил заскорузлый от крови фартук, на голове — корону из железных шипов. Из-под поднятого забрала доносились бессвязное бормотание и глухие проклятия. Существо подошло к скоплению цепей, блоков и ржавых крючьев с насаженными на них человеческими телами, поддело один из обезглавленных трупов длинным тесаком и бросило его в топку; локомотив двигался благодаря плоти и крови, превращая их в золу.

— Вот так, — прохрипело существо. — Не нужны мне ни слова, ни заклинания. Словами пользуются слабаки, магия плоти — вот в чем сила. Плоть и кровь кормят тебя, а я — направляю.

— Что это за чертовщина? — прошептал Леонид, нервно оглядываясь на грохочущую дверь. Хотя он говорил тихо, гигант замер, а затем быстро повернулся к ним, угрожающе подняв тесак.

— Так-так, саркоматы стучатся в двери, а мясо само пришло, чтобы залезть в топку? Хорошее мясо, годное. Лучше, чем наша обычная мертвечина.

— Кто ты? — спросил Леонид и снова поднял пистолет.

— Я-то? — переспросил гигант, помахивая ножом. — Забойщик я. Из Железных Воинов. Режу и крошу, крошу и режу. Плоть для машины, кровь для шестеренок, мясо — в топку.

Топка отозвалась рычанием, и языки пламени вырвались наружу, безуспешно пытаясь обжечь спину гиганта. На это он лишь рассмеялся, заставив джуранцев вздрогнуть:

— Ну уж нет, демон, мои кости тебе не достанутся. Бесись сколько угодно, но я беру свежее мясо, а тебе достанется мертвечина.

— Ты топишь ее трупами? — поразился Эллард, не в силах скрыть отвращение.

— Да, демон ест мертвяков, живые — для меня. Вот два крюка, я вас аккуратно разрежу, выпотрошу и выпью кровь. Иди сюда, хорошее мясо, ну же.

Забойщик поманил их латной перчаткой, покрытой засохшей кровью.

— Это вряд ли, — ответил Леонид, наводя на него пистолет Ваанеса. — Останови поезд, и я не стану тебя убивать.

Забойщик хохотнул, покачал головой и сделал шаг к Леониду.

— Убивать? Меня? Нет, мясо, мы с тобой и говорить не будем, ты просто умрешь.

Леонид выстрелил, и болт попал точно в грудь Забойщику. Посыпались искры, по фартуку потекла пенистая жижа, и разъяренный гигант зарычал:

— Ты меня подстрелил, и теперь я буду резать тебя медленно, кусок за куском. Ты будешь вопить, а я скормлю тебе твои же ноги и руки, а потом отдам Омфалу Демониуму, и ты узнаешь настоящую боль.

Леонид выстрелил снова, но на этот раз Забойщик сумел отбить снаряд тесаком — и сам бросился в атаку, подняв огромный клинок для удара, который раскроил бы джуранца надвое. Леонид нырнул в сторону, и опустившийся тесак оставил в полу глубокою борозду.

Эллард обошел Забойщика с тыла, отчаянно оглядываясь в поисках хоть чего-то, что можно использовать как оружие; Леонид выстрелил еще раз, но промахнулся — вместо противника с влажным хлопаньем разлетелись на куски трупы, подвешенные на крючьях.

— Нет! — заорал гигант. — Только не мертвяки! Плохое мясо, порубить бы вас побыстрее.

Чувствуя за спиной другие тела, Леонид выпустил очередь по трупам, подготовленным к путешествию в топку. Забойщик развернулся с гневным возгласом и, орудуя тесаком, начал прорубать себе путь к противнику сквозь ряды подвешенных туш. Леонид не переставал стрелять, пока не щелкнул опустевший магазин. Вокруг него раскачивались и звенели цепи; с потемневших крючьев срывались куски плоти. Одна из цепей соскользнула с блока и с лязгом рухнула на пол. Забойщик оттолкнул последний труп на своем пути и оказался лицом к лицу с джуранцем. Краем глаза Леонид заметил Элларда — тот стоял рядом с рычагом, управлявшим цепным блоком. Позади Забойщика шипела изголодавшаяся топка.

Леонид поднял упавший крюк и выставил его перед собой как оружие.

— Ты плохое мясо, не будет тебе аккуратной разделки. Будет хрясь-хрясь и мертвечина.

Забойщик наклонился, и Леонид наконец смог разглядеть его лицо, частично скрытое коническим рогатым шлемом. Его одутловатые невыразительные черты казались до странности детскими, во рту виднелись пеньки гнилых зубов, а в красных слезящихся глазах читалась слепая жестокость.

Прежде чем джуранец успел увернуться, гигант схватил его одной огромной лапой и оторвал от пола.

— Негодное мясо, даже клинок об тебя марать не буду, просто загрызу.

Челюсти Забойщика раздвинулись, словно он намеревался проглотить жертву целиком, из пасти пахло зловонием гниющей плоти. Чувствуя, как подступает тошнота, Леонид в отчаянии лягнул чудовище в живот, а когда челюсти приблизились, замахнулся крюком.

Хрустнула кость, и острое крюка, пробив челюсть, вышло из глазницы гиганта.

Забойщик взревел от боли и выронил Леонида; Эллард лихорадочно крутил ручку лебедки, и цепь, прикрепленная к крюку, туго натянулась. Выпустив тесак из рук и истекая черной кровью, Забойщик попытался выдернуть крюк и ослабить натянутую цепь.

Но Эллард времени не терял: он продолжал выбирать цепь скрипучей лебедкой, тем самым подтягивая гиганта все ближе к топке. Теперь существо кричало не гневно, а жалобно, но жалеть этого каннибала Леонид не собирался.

Топка выбросила новые языки пламени, и на этот раз Забойщик завопил, когда они дотянулись до его спины. Он задергался еще сильнее в попытке освободиться, но демон не собирался выпускать добычу. Ослепительно яркий огонь охватил Забойщика, и его затянуло в раскаленную пасть камеры сгорания. Толстая железная дверца захлопнулась за ним, и голодный демон, обитавший в топке, обрушил весь накопившийся гнев на своего мучителя.

Как только железная створка закрылась, движение огромных поршней из костей начало замедляться и из клапанов вырвались струи обжигающе горячего пара. Оранжевое свечение, исходившее от топки, поблекло, очертания машинного отделения стали постепенно возвращаться к привычным для человека измерениям.

Леонид рухнул на колени: он безмерно устал и уже не мог справляться с ужасом последних дней. Пошатываясь, Эллард подошел к нему и протянул руку:

— Поверить не могу, но мы с ним справились.

— Да, сержант. Отличная работа.

— И мне так кажется.

Леонид обернулся к двери, которая вела в машинное отделение: по какой-то неведомой причине саркоматы с другой ее стороны затихли. Может быть, своим существованием они были обязаны демону, заточенному в топке, или даже самому Забойщику? Стоило Леониду подумать об этом, как дверь с грохотом распахнулась, и на пороге возник Ардарик Ваанес.

— У вас получилось, — в его голосе прозвучало удивление.

— Получилось, — подтвердил Леонид. — А ты сумел убить Обакса Закайо?

— Не сумел, но здесь его больше нет — как нет и остальных вагонов.

— О чем ты? — спросил Леонид и захромал к двери.

Выйдя из логова Забойщика, они с Эллардом увидели, что от всего состава остался только тендер. В нем расположились потрепанного вида космодесантники; остальные вагоны исчезли.

— Проклятье, что ты наделал? — Леонид сорвался на крик. — Я думал, вы пришли нас спасти!

— Нет, — ответил Ваанес, — спасти мы вас и не собирались. Мы хотели лишь не дать Железным Воинам пополнить число рабов в оружейных мастерских. Без рабов они не смогут делать оружие, чтобы сражаться с нами.

— Ты убил их, — заявил Леонид, осматривая железнодорожные пути в поисках хоть каких-то следов исчезнувшего состава.

— Если бы твои товарищи знали, что ждет их в цитадели Хонсю, они бы поблагодарили меня за такое милосердие.

— Милосердие? Подонок, это были мои солдаты! — продолжал кричать Леонид. — Я сражался с ними плечо к плечу, а ты не поверил их мужеству.

— Они были уже не теми, с кем ты привык идти в бой, и ты это знаешь. Они сломались, но в тебе еще осталась воля, я это ясно вижу. Если хочешь, можешь пойти с нами и отомстить Железным Воинам, но решай скорее: мы уже внутри форпоста, и стража скоро будет здесь.

Ваанес перелез в тендер и положил руку на сцепное устройство.

— Так ты с нами? — спросил он.

— С вами? Но мы даже не знаем, кто вы.

— Когда-то мы были космическими десантниками — Адептус Астартес — и сражались во имя Императора, но теперь мы сражаемся друг за друга. Наши бывшие боевые братья называли бы нас ренегатами, но здесь и сейчас лучших союзников ты не найдешь.

Леонид собирался было возразить, но Эллард положил руку ему на плечо:

— Возможно, он прав, сэр.

— Он убил наших людей, сержант!

— Знаю, и этого мы ему никогда не простим, но вспомните, что говорил кастелян Вобан: «Враг моего врага...»

— Мой друг, — закончил за него Леонид.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/675927>